

Выход из клетки: От конфликта к равновесию, или Что такое подлинное познание для Спинозы

Введение: в погоне за ускользающей этикой Спинозы

Наше сегодняшнее занятие — это продолжение своеобразной «охоты» на **этику Спинозы**. Такое определение не случайно, ведь его этика обладает свойством ускользать и прятаться. Она словно стеснительна, необщительна и пугается посторонних. Она не стремится раскрывать себя, предпочитая оставаться в тени. Поэтому наша задача — не просто изучить, а именно «выследить» ее, отделив от многочисленных одеяний и маскировок, под которыми она скрывается.

В прошлый раз мы уже проделали часть этой работы. Мы выяснили, что **этика Спинозы** — это не простое повторение «аргумента мельницы» **Лейбница**, не очередная версия проблемы **квалиа**. Мы также отделили ее от другой распространенной маскировки — **материалистического редукционизма** в духе **Гоббса**. Это воззрение утверждает, что человек — это исключительно мозг, а **мышление** — лишь одна из его функций. **Спиноза** говорит о совершенно ином. Его позиция гораздо сложнее и, можно сказать, значительно хуже в своей бескомпромиссности.

Если нам все-таки удастся отловить эту ускользающую этику и заставить ее, словно Фатиму из «Белого солнца пустыни», открыть свое истинное лицо, то мы увидим нечто шокирующее. Перед нами предстанет не утешительная философская доктрина, а самый настоящий зомби. Да, если угодно, мы с вами открыли «**зомби-этику**».

«Зомби-этика»: деперсонализация как «онтологическая норма»

Почему мы используем столь резкий образ? Потому что **Спиноза** утверждает следующую мысль: наше **мышление** и наше **тело** абсолютно не зависят друг от друга.

Ментальные переживания, которые мы испытываем, реальны. Это не иллюзия и не побочная функция мозга. Процесс **мышления** действителен. Однако при всей своей реальности он никак не влияет на наше **тело**. Представьте себе два параллельных процесса. С одной стороны, в нас идет интеллектуальная работа: мысли сменяют друг друга, выстраиваются в цепочки, делаются выводы. С другой стороны, наше **тело** живет своей жизнью: оно ходит, разговаривает, берет со стола маркер и пишет на доске. В этот самый момент наша ментальная сущность, наше **мышление**, может буквально вопить: «Что ты делаешь? Что ты несешь? Мы об этом не договаривались!».

В классических этических системах, от античных до более поздних, всегда предполагается наличие управляющей инстанции. Либо **мышление** управляет **телом** (как у стоиков, разрабатывавших ментальные стратегии контроля над страстями), либо, в материалистических версиях, **тело** и его процессы определяют **мышление**. Но в обоих случаях между ними существует причинное взаимодействие. **Спиноза** полностью разрывает эту связь.

Такая структура поразительно напоминает симптом патологии, о которой мы говорили ранее, — **деперсонализации**. Однако, по **Спинозе**, это не искажение реальности, а, наоборот, ее обнажение. **Деперсонализация** — это не болезнь, скрывающая от нас правду, а момент прозрения, когда мы видим вещи такими, какие они есть. А реальность, согласно **Спинозе**, такова: наше **мышление** находится в ловушке, в клетке. Оно подобно видеорегистратору, который ошибочно воображает себя пультом управления. Оно лишь бессильно наблюдает за тем, что творит наше **тело**, которое действует совершенно автономно.

Таким образом, «**деперсонализация**» — это не отклонение, а наша точка старта, своего рода **онтологическая норма**. Взгляд на ранние этапы развития человеческой культуры подтверждает, что явления, которые мы сегодня сочли бы симптомами патологии, действительно присутствовали в мировоззрении древних людей на социальном уровне.

Итак, «**зомби-этика**» заключается в том, что наше **тело** действует автономно и лишено ментальных переживаний, но при этом не глупее нас. Оно обладает собственной сложной организацией и целесообразностью. Мы же, наше «Я», заперто в клетке **мышления**, не имея возможности повлиять на его действия.

Задача этики: поиск равновесия между мышлением и телом

Сущность мышления — отражать, создавать идеи вещей. На уровне атрибута протяжения существует вещь (наше **тело**), а на уровне атрибута **мышления** — **идея** этой вещи. Это не причинный доступ, позволяющий управлять, а лишь пассивное отражение. **Мышление** регистрирует действия **тела**, но не может в них вмешаться. Более того, даже наша память не находится в полной власти **мышления**. Тело само «выбирает», что мы можем вспомнить в тот или иной момент, подтверждая свою автономию.

Из этой разорванности рождается ключевая этическая проблема — отсутствие *adaequatio* (лат. — «соответствие», «уравнивание»). Мы постоянно сталкиваемся с тем, что в голове блестящая реплика или остроумная шутка на практике оказываются провалом. Это и есть *inadaequatio* — неравновесие, разлад между ментальными состояниями («идеями») и телесными действиями. Тысячелетиями этика пыталась решить эту проблему, разрабатывая ментальные стратегии и инструкции для тела. Но чем сложнее инструкция, тем больше вероятность провала, ведь мы пытаемся управлять тем, что нам не подчиняется.

Единственный наш шанс — не пытаться установить контроль, а найти способ достичь гармонии, равновесия. И этот шанс связан с **имманентной Субстанцией**, непрерывно себя выражающей в своих бесконечных атрибутах и модусах. Она не находится где-то вне нас, охватывая **мышление** и **тело**. Она — универсальный посредник, присутствующий и в том, и в другом. Найти ее, обратиться к ней — значит найти путь к *adaequatio*.

«Параллелизм» души и тела: утешение дереализации и трагедия деперсонализации

Эта конструкция **Спинозы** кажется очень похожей на учение другого великого философа — **Готфрида Вильгельма Лейбница**. И действительно, у них есть общая черта — «**параллелизм**», то есть утверждение об отсутствии причинно-следственной связи между

ментальными и физическими процессами. Однако за этой схожестью скрываются две противоположные по своему духу философии, которые можно охарактеризовать через два разных психологических феномена: «дереализацию» у Лейбница и «деперсонализацию» у Спинозы.

Лейбниц говорит, что ни наше «Я», ни физический мир, каким мы его видим, не являются подлинной реальностью. Истинная реальность — это бесконечное множество индивидуальных субстанций, **монад**. Всё, включая нас и мир, состоит из них. Эти **монады** взаимодействуют друг с другом, образуя сложные ансамбли. То, что мы воспринимаем как физический мир, — это лишь «интерфейс» этого взаимодействия.

И этот мир, по Лейбницу, оптимизирован. Мы живем в «**наилучшем из всех возможных миров**», где всё подчинено **предустановленной гармонии**. Этот «интерфейс» мира изначально «подстроен» под нас. Когда я хочу взять маркер, и моя рука его берет, это не моя мысль заставляет руку двигаться. Просто два параллельных ряда событий — ментальный и физический — изначально синхронизированы, как двое часов, идущих в идеальном унисоне.

Такая картина мира, хотя и сложна, в конечном счете успокаивает. Она говорит, что мир не враждебен, что мы с ним «одной крови», одной природы. Легкое чувство **дереализации** — ощущение, что мир не совсем настоящий, а скорее визуальная проекция, — это лишь побочный эффект. По сути, философия Лейбница подобна телепрограмме «Розыгрыш»: все наши трагические переживания и страхи оказываются лишь частью грандиозного, но в конечном счете гармоничного сценария. Этика в таком мире практически не нужна — все уже решено за нас наилучшим образом.

Спиноза занимает прямо противоположную позицию. Для него и наше «Я», и физический мир — это не иллюзия, а суровая реальность. И между этими двумя реальностями — пропасть. Мир для нас **чуждый**, инородный, он не «подстроен» под нас. Здесь нет утешительной предустановленной гармонии, а есть фундаментальный разлад на уровне **конкретного, ограниченного модуса**. Если у Лейбница мы с миром одной природы, то у Спинозы мы принципиально различны.

Наша стартовая точка — это *inadaequatio*, трагическое несоответствие. Мы не можем доверять миру и не можем управлять даже собственным **телом**. Это состояние **деперсонализации**, которое не утешает, а обнажает ужас нашего положения.

«Архитектура» тела и мышления: «пассивное» и «активное» начала

Как же выбраться из этой ловушки? Для этого нужно пересмотреть наше понимание **тела** и **мышления**. Спиноза предлагает взглянуть на них не как на единые сущности, а как на сложные **организации**, или «**архитектуры**», состоящие из множества состояний (*лат. affectio*).

Дело в том, что мы совершаем фундаментальную ошибку. Мы привыкли думать, что «победы» (разумные, активные действия) принадлежат нашему «Я», нашему **мышлению**, а «поражения» (страсти, аффекты, неконтролируемые реакции) — это вина нашего пассивного, инертного **тела**. Как говорится, «у победы много отцов, а поражение — сирота». Мы приписываем себе, мышлению, нашему «Я, все заслуги, а неудачи сваливаем на **тело**.

Спиноза переворачивает эту картину. Он говорит, что **тело** обладает не только пассивными состояниями (*лат. passio* — страдание, претерпевание), но и активными (*лат. actio* — действие). Когда нам удастся, например, успокоить гнев или освоить сложное движение в танце, это не наше **мышление** контролирует **тело**. Это **активное состояние тела** берет верх над **пассивным**. Контроль устанавливает само **тело**. Оно обладает собственной, скрытой от нас, высокоорганизованной структурой, способной к сложнейшей деятельности — будь то обучение боксу или аскетические практики. Тело не глупое и не инертное; оно — сложнейший и автономный механизм.

То же самое касается и **мышления**. Мы привыкли отождествлять его только с высшими, осознанными, интеллектуальными процессами. Но у него есть и низшие, автоматические состояния: галлюцинации, миражи, страхи, стереотипы, предрассудки. Это тоже ментальные переживания, но мы открещиваемся от них, приписывая их сбоям в работе «глупого» **тела**.

Таким образом, *inadaequatio* возникает из-за неверного сопоставления. Мы отождествляем себя с «высокоинтеллектуальным» состоянием **мышления** (условная «пятерка») и противопоставляем его «глупому», пассивному состоянию **тела** (условная «двойка»). При этом мы не видим, что в самом **теле** есть свое активное, «умное» состояние («пятерка»), а в нашем **мышлении** — свое пассивное и «глупое» («двойка»).

Путь к освобождению: переосмысление функции познания (*cognitio*)

Что же делать? Наша задача — ликвидировать *inadaequatio*, заполнив пробелы в нашем знании о себе. Мы должны научиться видеть и осознавать все «сектора», все состояния как в **мышлении**, так и в **теле**.

Именно это **Спиноза** называет истинным **познанием** (*лат. cognitio*). До него под «познанием» понимали чисто интеллектуальную работу: сел, подумал, выработал инструкцию и отдал приказ **телу**. **Спиноза** утверждает, что подлинное **познание** — это процесс, в котором одновременно, без временной дистанции, участвуют и **мышление**, и **тело**.

Это не последовательность «понял — сделал». Это единый акт. В тот самый момент, когда мы чего-то достигаем в **познании**, наше **тело** одновременно совершает соответствующее действие (*лат. actio*). Это и есть достижение *adaequatio*. Наша цель — не подчинить **тело**, а привести в равновесие организацию / «архитектуру» нашего **мышления** с организацией / «архитектурой» нашего тела. Мы должны познать свое **тело** во всей его сложности, включая его активные, «разумные» способности, и одновременно познать свое **мышление** во всех его проявлениях, включая автоматические и иррациональные. Только так мы сможем выбраться из «клетки» и обрести подлинную свободу.

Представим две параллельные шкалы, отражающие уровень организации или, как сказал бы философ, мощи / силы (*potentia*) каждого из этих атрибутов. В исходном состоянии они не синхронизированы. Например, наше **мышление** может находиться на условном «пятом уровне» развития, но при этом оно знает **тело** только на «втором уровне». **Мышлению** неизвестны все возможности **тела**; они существуют, но разум их ещё «не открыл».

Теперь представьте, что есть «**критическая точка**». Пусть этой точкой будет условная отметка «пять». До её достижения существует не-соответствие, *inaeadequatio* между идеями в нашем **мышлении** и состояниями нашего **тела**: мышлению кажется, что оно опережает познаваемую телесность.

Но после достижения этой «**критической точки**» происходит качественный скачок. Мы входим в новый режим. Это не единичное событие, а устойчивое состояние, в котором развитие **мышления** и **тела** приводится в равновесие: мы переходим на уровни «шесть-шесть», «семь-семь», «восемь-восемь» и так далее. Этот процесс **Спиноза** называет **стремлением к *perfectio*, «совершенствованием»**. Именно в этом режиме ликвидируется фундаментальный этический конфликт — разрыв между поведением нашего **тела** и ментальными стратегиями, которые мы для него разрабатываем.

Решение этического конфликта: «подключение» познания к деятельности тела

На протяжении тысячелетий этика строилась на предпосылке, что **тело** и **мышление** находятся в конфликте. Однако мы теперь знаем, что на самом деле никакого конфликта нет: наше «Я», заключённое в ментальной ловушке, выступает лишь как «видеорегистратор» — бессильно наблюдает за действиями **тела**, но не может на них повлиять. Любая попытка разработать стратегию контроля лишь углубляет конфликт, а отдать прямой приказ **телу** невозможно.

Спиноза предлагает выход из этой ловушки через *cognitio* (познание). Его решение заключается не в том, чтобы подчинить **тело**, а в том, чтобы «**подключиться**» к его деятельности. **Мышление** не воздействует на **тело** напрямую, но оно может «**встроиться**» в ту деятельность, которую **тело** уже совершает. «Познание» — это не отстранённая интеллектуальная работа, а процесс, интегрированный в саму структуру действия.

Иными словами, мне нужно сделать свой процесс **мышления** адекватным тому, что делает моё **тело**. Это достигается через **осознание необходимости (*necessitas*)** всего, что совершает **тело**. Этическая проблема коренилась в иллюзии, будто **тело** делает «что-то не то», мешая нам достичь блаженства, счастья и свободы. Эта иллюзия возникала из-за того, что мы не воспринимали **мышление** и **тело** как два сложных, параллельных и самоорганизующихся процесса.

Когда мы осознаём **необходимость** действий **тела** и «подключаемся» к ним, этический конфликт исчезает. Мы перестаём бороться с **телом** и начинаем действовать с ним в унисон.

Из этой логики напрямую вытекает знаменитая формула **Спинозы**: «**свобода (*libertas*)** есть осознанная **необходимость**». Этот афоризм, который без контекста может показаться игрой слов, на самом деле является итогом сложнейшего философского построения. «**Свобода**» — это не произвол воли, а состояние, достигаемое тогда, когда наше **мышление** «интегрируется» с деятельностью **тела** через познание её **необходимости**.

Это состояние **Спиноза** *beatitudo*, что можно перевести как **блаженство** или **удача**. Это тот момент, когда замысел в уме и его воплощение в реальности полностью совпадают. Вход в новый режим, установление *aadequatio* и есть путь к достижению этого высшего состояния.

Важно понимать асимметрию исходной проблемы: это **мышление** думало, что у него конфликт с **телом**. Вся античная и христианская этика строилась на этом соображении: «Как мне справиться с этим телом? Господи, пошли мне милость, чтобы я его усмирил». **Спиноза** же утверждает: конфликта нет. Есть задача «**подключиться**» и осознать, что **тело** — не невольный инертный объект, а сложная система, не менее «умная», чем наше мышление.

От «ощущения» / страдания к реконструкции внешней причины

Чтобы наглядно продемонстрировать этот переход, воспользуемся мысленным экспериментом. Представьте, что вам на голову накинута пальто, лишив зрения, и группа людей начала на вас нападать. Как вы будете реагировать?

На начальных, «низших» уровнях организации (условно, с «первого» по «четвёртый») **тело** находится в **пассивном состоянии**. Оно лишь **претерпевает** воздействия (**passio**) — испытывает страдание. Реакция в этом случае будет инстинктивной и хаотичной, подчиняясь схеме «стимул-реакция». Вас ударили — вы отшатнулись в сторону удара. Вас толкнули — вы двинулись по инерции. В этом состоянии вы подобны бильярдному шару, который лишь реагирует на внешние силы. Вы «растворены» в своих ощущениях: «мне больно», «меня ткнули», «меня толкнули». Вами управляет внешняя причина.

Однако на «пятом уровне» происходит переход в **активное состояние**. Происходящее на вас внешнее воздействие перестаёт быть просто стимулом. Вы начинаете анализировать его. Вместо простого ощущения «мне больно» возникает вопрос: «**Как** мне больно?». Вы начинаете извлекать из ощущений информацию:

- **Сила удара**
- **Высота и угол удара** (позволяет судить о росте нападающего)
- **Звук удара** (удар кулаком, бутылкой или стулом ощущается по-разному)
- **Звук шагов, дыхание, голоса**
- **Характер прикосновения**

В этот момент вы перестаёте быть бильярдным шаром и становитесь исследователем. Вы начинаете **реконструировать** внешнюю причину по вашим ощущениям. Вы создаёте ментальную **карту** происходящего: «Судя по силе и направлению удара, это Иннокентий. В волосы вцепилась, наверняка, Оля. А этот удар чашкой — это Тихон».

Хотя вы по-прежнему ничего не видите, вы начинаете «видеть» через анализ. Это и есть **познание**, встроенное в действие. На основе этой **реконструкции** вы можете выстроить **активную траекторию** движения: не хаотично метаться, а целенаправленно двигаться к стене, чтобы прикрыть спину, или нанести точный удар в ответ, рассчитав положение противника.

Этот мысленный эксперимент — метафора нашей экзистенциальной ситуации. Мы рождаемся с «мешком на голове», в мире «чистых ощущений», сигналов и «пятен». Наша задача — перейти от **пассивного** «растворения» в этих ощущениях к **активной реконструкции** мира предметов. «Предмет» — это и есть «изнанка» нашего ощущения, результат сложной когнитивной работы.

Спиноза против традиции: борьба аффектов и феномен «формы»

Идея Спинозы о «подключении» может показаться похожей на аскетические или гедонистические практики. Стоики призывали подчиняться судьбе, а гедонисты — прислушиваться к сигналам тела. Однако разница принципиальна. Античные школы предполагали, что мышление может отдать телу приказ (пусть и негативный, вроде «не предавайся излишества» или «не поддавайся гнев»). У стоиков, например, есть точка **адиафоры** (греч. ἀδιάφορον — безразличное), состояние свободы от аффектов, достигаемое волевым усилием.

У Спинозы такой точки нет. Он утверждает, что один **аффект** может быть подавлен только другим, более сильным **аффектом**. Чтобы побороть гнев, нужна не «сила воли», а более мощный триггер — например, сильное воспоминание или другой аффект. Успешное «подавление» слабого аффекта — это лишь иллюзия, возникающая, когда более сильный аффект побеждает в этой внутренней борьбе.

Ещё более тонкое и важное различие существует между Спинозой и эмпиризмом Дэвида Юма. На первый взгляд, их модели похожи. Юм говорит, что у нас есть базовые **впечатления** (*impressions*), которые, ассоциируясь друг с другом, создают в нашем уме идею **предмета** или «субстанции». Для Юма этот «предмет» — лишь привычка нашего ума, иллюзорная конструкция. Кажется, что Спиноза говорит о том же: мы извлекаем информацию из ощущений и реконструируем мир.

Революционность подхода Спинозы заключается в том, что для него «ощущение» — не монолит. Оно внутренне **неоднородно**, в нём есть «трещина». Информация, которую мы извлекаем, делится на две принципиально разные части.

Вернёмся к примеру с маркером. У него есть такие свойства, как:

- Чёрно-белый цвет
- Запах спирта
- Твёрдость
- Лёгкость
- Блеск

И есть ещё одно свойство — **цилиндрическая форма**.

Фокус в том, что «**форма**» — это не просто ещё одно свойство в ряду прочих. Именно **форма** является тем интегрирующим принципом, который объединяет все остальные разрозненные качества (цвет, запах, твёрдость) в единый, целостный **предмет**. Именно эта **неоднородность** ощущения и специфическая роль **формы** отличают Спинозу от Юма.

Что именно следует понимать под «**формой**» — это глубокий и нетривиальный вопрос, ответ на который открывает доступ к самым основам философии Спинозы. Это не просто геометрический контур, а фундаментальный принцип организации реальности, который мы постигаем, переходя от пассивного состояния к активному.